

КЛИА КОФФ

О ЧЕМ

Убийства, войны и геноцид

ГОВОРЯТ

глазами

КОСТИ

судмедэксперта

МОСКВА
2024

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
К74

Clea Koff

The Bone Woman: A Forensic Anthropologist's Search for Truth
in the Mass Graves of Rwanda, Bosnia, Croatia, and Kosovo

The Bone Woman © by Clea Koff, 2004

By agreement with Pontas Literary & Film Agency

Литературный редактор А. Кириллова

Кофф, Клиа.

К74 О чем говорят кости. Убийства, войны и геноцид глазами судмедэксперта / Клиа Кофф ; [перевод с английского М. Б. Дудова]. – Москва : Эксмо, 2024. – 352 с.

ISBN 978-5-04-200838-2

Клиа Кофф — судмедэксперт с мировым именем, побывавшая на местах всех военных конфликтов последних десятилетий. Всего в 23 года в составе миссии ООН она отправилась в Руанду, став одной из 16 ученых, занимавшихся раскопками человеческих останков для изучения и доказательства геноцида тутси. В следующие четыре года она посетит Боснию, Хорватию и Косово, пристально изучая останки людей в поисках ответа, как они умерли.

Ее книга — это наполовину мемуары, наполовину полевой дневник об увиденном: эксгумация почти пятисот тел из единственной могилы в Кибуре, Руанда; обнаружение связанных проволокой жертв резни в Сребренице в Боснии; раскопки в Косово на глазах родственников жертв. Рассказывая подчас душераздирающие подробности своей работы — адские условия труда, бюрократия ООН и столкновение с горем выживших, — Кофф наполняет свою историю огромным чувством надежды и поиска справедливости. Она убеждена: несмотря на то что власти могут исказить версии случившегося, кости никогда не врут.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-200838-2

© Дудов М.Б, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Для искателей серебряных нитей...

Предисловие

9 января 1996 года, вторник, 10:30 утра. Здесь, на склоне холма в Руанде, я занимаюсь именно тем (внезапно!), чем хотела заниматься всегда. Осматриваюсь, оцениваю — будто хочу выстроить идеальный кадр. Взгляд вверх, *щелк*: банановые листья. Взгляд вниз, *щелк*: человеческий череп. Слева, *щелк*: опять банановые листья. Справа, *щелк*: маленький лесок. Прямо передо мной, *щелк*: пространство. Сажу на крутом склоне, прямо посреди банановой рощи, подтянув колени, чтобы не съехать вниз. А вот лежащий у моих ног череп не смог удержаться — он скатился сюда с вершины холма, оставив наверху остальные части тела. Такое в буквальном смысле унижение перенес не только этот череп: вокруг меня множество костей. Их владельцы были убиты полтора года назад на этих холмах. С тех пор большинство потеряло головы. Я пытаюсь воссоединить черепа с телами. После этого появится шанс определить возраст, пол, телосложение и причину смерти, а может быть, даже восстановить их имена. Я осторожно наклоняюсь и «прислушиваюсь» к черепу. Он лежит лицом вниз, и я вижу только грубый рубец на затылочной области — удар чем-то большим и острым. Смотрю на следы раны — продавленная внутрь кость,

V-образный в поперечнике разрез. Надоедливо зудящий комар садится на край раздробленной кости. «Там тебе нечего ловить, парень. Кровь давно утекла», — думаю я, прогоняя его прочь.

Череп лежит так, что видны зубы верхней челюсти. Их обладателя убили, когда у него как раз начинал прорезываться один из третьих моляров. Прямо перед отъездом в Руанду мне удалили зубы мудрости, и я задумчиво провела языком по свежим ямкам в деснах. Интересно, как быстро вы начинаете искать сходство между собственным телом и трупом, лежащим перед вами. Что это — сочувствие к его ужасной участи или же облегчение от того, что мы, в отличие от этого бедолаги, живы? Эти размышления прерывает моя коллега по воссоединению тел, Роксана. Вместе с фотографом Ральфом она появляется из зарослей справа от меня. Ральф должен зафиксировать точное местонахождение и положение черепа. Мы кладем рядом с черепом фотодоску — на ней высвечивается порядковый номер, дата и стрелка, указывающая на север. В тишине дважды щелкает «Никон».

Теперь череп можно трогать. Я поднимаю его и разворачиваю лицом к себе. И вот он прямо перед глазами: вижу жесткий и глубокий разрез, по диагонали пересекающий глазную впадину и переносицу. Удар размозжил хрупкие кости, формирующие черты лица, создающие индивидуальность. Смотреть больно, я откладываю череп в сторону, берусь за блокнот с полевыми записями: в нем мы с Роксаной отмечаем состояние костей, число сохранившихся зубов, место обнаружения. Внеся все данные, мы кладем череп на то самое место, где его обнаружили, а затем поднимаемся по склону, пробираясь под низко висящими банановыми ветвями и стараясь не наступать на разбросанные повсюду выбеленные солнцем позвонки. Наверху нас ждет заросшая травой поляна, где

валяются обрывки одежды. Сейчас наша задача — найти скелет нашего черепа. Расчистив лопатками траву, мы обнаруживаем под лохмотьями несколько костей, частично засыпанных землей, смытой с верхушки холма дождями. Может, это тело нашего черепа? Поиски продолжаются.

...Наши поиски продолжались с переменным успехом две недели. По склонам холма без усталости бродили четверо антропологов, занятых одним и тем же делом. Параллельно на гребне холма работали два археолога, пытавшиеся определить границы объекта, на который мы в итоге потратили два месяца: массового захоронения возле церкви в Кибуе.

* * *

Мне было двадцать три года, я входила в группу из шестнадцати археологов, антропологов, патологоанатомов и прозекторов, направленных в Кибуе Международным уголовным трибуналом ООН по Руанде (МТР, International Criminal Tribunal for Rwanda, ICTR) после геноцида 1994 года. МТР был организован по прецеденту МТБЮ — Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, который преследовал виновных в военных преступлениях и этнических чистках в Боснии и Герцеговине, Хорватии, а позднее и в Косово. МТР и МТБЮ примечательны тем, что это первые международные уголовные трибуналы, организованные со времен Нюрнбергского процесса, проходившего после Второй мировой войны. В 1995 году тогдашний главный прокурор МТР Ричард Голдстоун сделал необычное предложение. Он обратился к бостонской неправительственной организации (НПО) «Врачи за права человека» с просьбой собрать группу судебно-медицинских экспертов для исследования массовых захоронений. На тот

момент МТР уже предъявил обвинения подозреваемым в этих убийствах.

Судья Голдстоун обратился по адресу. У «Врачей за права человека» была целая сеть профессионалов в области медицины, и ранее эта НПО уже предоставляла патологоанатомов для проведения вскрытий в ходе расследований по нарушениям прав человека в Израиле, в которых было замешано правительство. Трибунал также воспользовался услугами старшего научного эксперта ООН доктора Уильяма (Билла) Хаглунда, лично отобравшего специалистов для команды.

Когда мне позвонил Билл, я еще училась в аспирантуре на кафедре судебной антропологии Стэнфорда. Но мне уже давно не давала покоя мысль: я должна что-нибудь сделать, чтобы помочь остановить нарушения прав человека. Я думала, что эта цель станет более реальной, если все потенциальные убийцы узнают, что кости могут говорить. К счастью, о моей идее знали и коллеги в университете, так что когда Билл попросил судебного антрополога доктора Элисон Гэллоуэй порекомендовать ему студентов для миссии в Руанде, она, видимо, сообщила, что единственный известный ей человек на кафедре, знакомый с судебной антропологией и одновременно интересующийся расследованием нарушений прав человека, — это я.

Человека, который стал моим вдохновителем, звали Клайд Сноу. Я узнала о нем из книги «Свидетели из могилы: истории, которые поведали кости» (*Witnesses from the Grave: The Stories Bones Tell*). Эта работа рассказывает о созданной Сноу Аргентинской группе судебной антропологии (*Equipo Argentino de Antropología Forense, EAAF*). Сейчас EAAF — это всемирно известная экспертная организация, а в 1984 году они были всего только малоизвестной группой студентов-аспирантов,

у которых хватило духа эксгумировать и попытаться идентифицировать останки аргентинцев, «исчезнувших» во времена военной хунты в 1970–1980-е. Когда я читала «Свидетелей из могилы», меня переполняло желание помочь им в работе, однако для начала требовалось приобрести необходимую квалификацию. Мне предстояло не только поступить в аспирантуру по судебной антропологии, но и доучиться оставшиеся три года моего курса антропологии в Стэнфорде.

Поступая в университет, я знала, что хочу изучать человеческие останки. На самом деле мне еще с детства страшно нравились разнообразные кости и старинные вещи (странновато, не правда ли?), я лишь решила сузить область своих интересов. Когда мне было семь, я подбирала тушки мертвых птиц на улице возле нашего дома в Лос-Анджелесе и хоронила их на маленьком кладбище. Спустя несколько лет, уже в гостях у моей кенийской семьи, я собирала выбеленные солнцем кости животных в Национальном парке Амбосели — под крики обезьян, сидевших прямо надо мной на деревьях. На следующий день я вернула все кости обратно, аккуратно все очистив. В тринадцать лет — мы жили тогда в Вашингтоне, округ Колумбия, — я хоронила мертвых птиц в полиэтиленовых пакетах, а потом выкапывала — мне было любопытно, сколько нужно времени, чтобы трупы «превратились» в скелеты. Я отнесла несколько вонючих мешков своему учителю естествознания. И хотя мой презент его несколько шокировал, мы провели полное энтузиазма внеурочное исследование феномена смерти. Но в семнадцать, в последнем классе школы, мой выбор стал более определенным — остеология человека. Как-то на канале National Geographic я случайно увидела документальный фильм, в котором рассказывалось, как в Италии ученые находят в пепле вулкана Везувия останки людей,

погибших почти две тысячи лет назад во время знаменитого извержения. Я была поражена, узнав, что по набору костей можно определить, кому они принадлежали, — например, молодой служанке, которой часто приходилось носить тяжести. Зачарованная, я смотрела фильм и поминутно делала заметки. Среди прочих была и такая: «Не забыть! Хочу изучать археологию в Стэнфорде».

Однако уже на следующий год я поняла, что просто исследовать древние кладбища мне неинтересно. Это понимание пришло прямо посреди раскопок, проводившихся по программе «Стэнфорд в Греции», которая долгие годы существовала под эгидой кафедры античной истории факультета гуманитарных и социальных наук Стэнфорда. На тех кладбищах люди были похоронены «нормально». Я же хотела исследовать тайные могилы, незахороненные останки жертв преступлений и тех, кто погиб случайно. Меня интересовали люди, убитые сравнительно недавно и чьи личности не были установлены. После знакомства со «Свидетелями из могилы» я знала, что этим занимаются судебные антропологи, а также что судебная экспертиза останков может помочь — и помогает! — привлечь убийц к ответственности.

Вся судебная антропология состоит из двух частей: что было до и что стало после. Судебные антропологи берут то, что осталось от человека после смерти, а затем исследуют, чтобы понять, что же происходило с ним до смерти — как задолго до смерти (*antemortem*), так и непосредственно перед смертью или в сам момент смерти (*perimortem*). Судебная антропология не только помогает правосудию установить личность, но также играет важную роль в расследованиях нарушений прав человека. Тело, нанесенные ему повреждения, может изобличить преступников даже тогда, когда они уверены, что

заставили своих жертв замолчать навсегда. Эта сторона судебной антропологии вдохновляет меня больше всего, поскольку дает шанс «надрать задницу негодьям» в тот момент, когда они меньше всего этого ожидают.

Я думаю, мне так нравится судебная антропология потому, что я, еще будучи ребенком, хорошо знала, как выглядят и на чем основываются подавление и дискриминация людей. Мои родители Дэвид и Мсиндо — известные кинодокументалисты, в своих работах исследовавшие такие социальные проблемы, как колониализм и африканское сопротивление, израильско-палестинский конфликт, взаимодействие представителей различных рас и социальных классов в Британии. И они были не из тех родителей, что отправляют детей спать, когда хотят поспорить с друзьями о политике. Мой брат Кимера и я всегда были вместе со взрослыми. Мы узнали значения таких слов, как «люмпен-пролетариат», задолго до того, как посмотрели «Улицу Сезам».

Родители не боялись брать нас на съемки, и мы были полноценными участниками их проектов, а не просто туристами. Частые путешествия в таком юном возрасте (а также то обстоятельство, что телевизор нам разрешалось смотреть не часто) не то чтобы сформировали в нас сильное национальное самосознание. Не помогали в этом и родители (да и не смогли бы, даже если бы захотели): Дэвид провел многие годы за границами США, хотя он американец во втором поколении с польско-русскими корнями, а Мсиндо выросла в Британии, будучи наполовину танзанийкой, наполовину угандийкой. В общем, место национального самосознания у нас заняло самосознание семейное.

Единственный раз, когда родители не взяли нас с собой, случился из-за того, что одна бостонская телекомпания подвергла цензурным правкам их фильм «Чер-

ная Британника», и родителям пришлось срочно лететь из Британии в США и решать эту проблему. И тут мы ощутили на себе, как сильно наша жизнь зависит от их работы: они уехали на полгода, а нас с Кимерой оставили в Норфолке, на свиноферме у друга. В свой шестой день рождения, страдая от разлуки с родителями, я вдруг остро почувствовала, что произошла какая-то большая несправедливость по отношению к их фильму, а значит, и по отношению к самим родителям, и ко всей нашей семье. Похожие чувства я испытала и несколько лет спустя, когда мое сердце сжималось от страха перед мыслью, что кто-то, облеченный властью, может снова разделить нашу семью по своей прихоти. Мы были в аэропорту Найроби, когда сотрудник паспортного контроля вдруг объявил, что хочет задержать мою маму, поскольку та родилась в Танзании, а ему не нравится политика танзанийского президента. Он приказал остальным членам семьи садиться в самолет и улетать без нее. В тот день мы едва не опоздали на рейс, а я прорыдала несколько часов, почти лишившись сознания. Мне тогда было всего девять, но я до сих пор помню ухмылку на лице офицера, наслаждавшегося властью над судьбами других людей.

Так что, когда восемь лет спустя я прочла ту книгу, «Свидетели из могилы», из которой узнала о существовании Аргентинской группы судебной антропологии, мое желание созрело: я поняла, что хочу заниматься именно тем, чем занимаются они. Для меня все решила одна фотография: выступление Клайда Сноу на процессе над государственными чиновниками, ответственными за похищения и убийства тысяч людей. Камера запечатлела момент, когда Сноу демонстрирует суду слайд с фотографией черепа одной из жертв — Лилианы Перерия. Устами Клайда эта молодая женщина поведала суду, что была убита выстрелом в затылок вскоре после рождения

ребенка (он появился на свет уже после ее похищения). Ее останки стали вещественным доказательством, подтвердившим показания живых свидетелей. Убийцы на государственной службе были абсолютно уверены, что они — последние, с кем она говорила, но Клайд своей работой сумел заставить их задуматься о содеянном.

Самым большим шагом к моей мечте было поступление в магистратуру по судебной антропологии в Университете Аризоны. Университетская программа включала в себя изучение и применение остеологии человека в реальной судебной практике — по договоренности со службой судебно-медицинской экспертизы округа Пима студенты привлекались для исследования всех найденных неопознанных тел. Я вспоминаю свой первый день в университетской лаборатории идентификации тел: сложенные друг на друга картонные коробки с невообразимыми скелетами, влажная камера с вытяжкой для отделения плоти от костей, фотокомната для проявки рентгеновских снимков челюсти... И кофейник, тихо булькающий на столике в дальнем углу. Выходя в тот день из лаборатории, я практически плакала от счастья. Я чувствовала, что нашла свое место. На моей программе, кроме меня, было еще восемь студентов, большинство уже проучились там несколько лет. Меня окружали опытные наставники, и самое главное, программой руководил доктор Уолт Биркби, один из виднейших американских судебных антропологов. Но его компетентность — не единственная причина, по которой мне хотелось не ударить в грязь лицом: лаборатория была его базой, а сам он — бывшим морпехом, с ежиком серо-стальных волос и отрывистым командным голосом. Мне не хотелось выяснять, что он делает со студентами, не соответствующими его стандартам.